

Запретная королева

Про книгу

Средневековая Англия. Екатерина Валуа — подлинный бриллиант французской короны, жена блестящего правителя и военачальника Генриха V. Ее любовь к мужу не знала границ, но холодный, поглощенный битвами и политическими интригами Генрих не испытывал к жене ни любви, ни нежности. Рано овдовев, Екатерина становится объектом повышенного интереса амбициозных знатных дворян, рвущихся на английский трон. Брак с ней равен стоимости целого королевства. Претенденты желают получить корону, а Екатерина — любовь. Но среди всех лишь двое мужчин окажутся достойны внимания королевы.

ЗАПРЕТНАЯ КОРОЛЕВА

АННА О'БРАЙЕН

КСД

ЗАПРЕТНАЯ
КОРОЛЕВА

ANNE O'BRIEN

The
Forbidden
Queen

A Novel

АННА О'БРАЙЕН

ЗАПРЕТНАЯ
КОРОЛЕВА

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9003-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Переведено по изданию:

O'Brien A. The Forbidden Queen : A Novel / Anne O'Brien. — London : HQ, 2015. — 544 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Юлия Дзекунова*

Середньовічна Англія.

Катерина Валуа — справжній діамант французької корони, дружина блискучого правителя і воєначальника Генріха V. Її любов до чоловіка не знала меж, але холодний, поглинений битвами і політичними інтригами Генріх не відчував до дружини ні любові, ні ніжності. Рано залишившись удовою, Катерина стає об'єктом підвищеного інтересу амбітних знатних дворян, що рвуться на англійський трон. Шлюб із нею дорівнює за вартістю цілому королівству. Претенденти бажують отримати корону, а Єлизавета — любов. Але серед усіх чоловіків лише двоє виявляться гідними уваги королеви.

О'Брайен А.

О-23 Запретная королева : роман / Анна О'Брайен ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 544 с.

ISBN 978-617-12-8850-8

ISBN 978-1-848-45386-9 (англ.)

Средневековая Англия.

Екатерина Валуа – подлинный бриллиант французской короны, жена блестящего правителя и военачальника Генриха V. Ее любовь к мужу не знала границ, но холодный, поглощенный битвами и политическими интригами Генрих не испытывал к жене ни любви, ни нежности. Рано овдовев, Екатерина становится объектом повышенного интереса амбициозных знатных дворян, рвущихся на английский трон. Брак с ней равен по стоимости целому королевству. Претенденты желают получить корону, а Елизавета – любовь. Но среди всех мужчин лишь двое окажутся достойны внимания королевы.

УДК 821.111

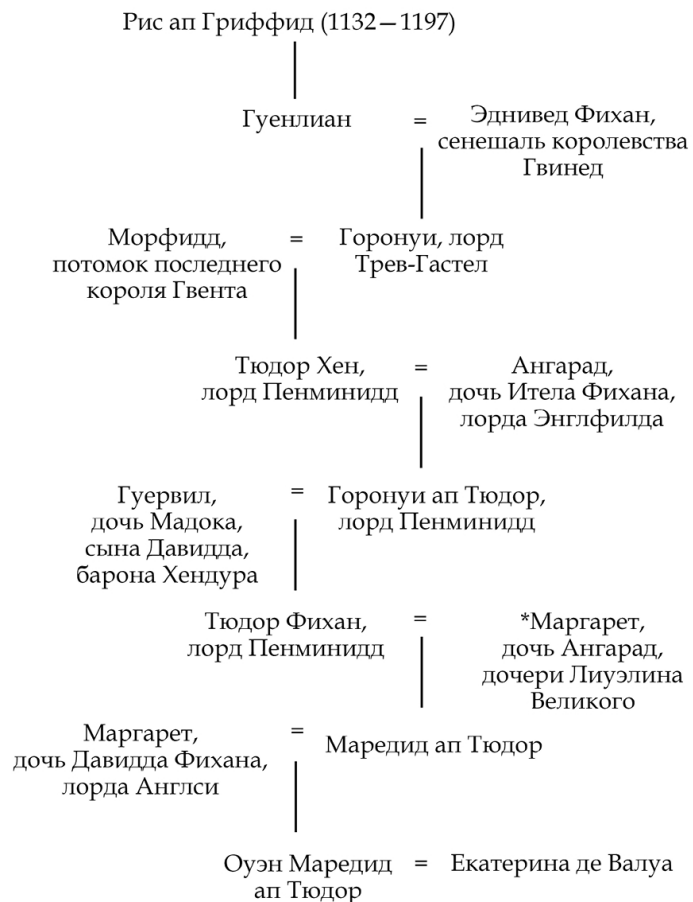
© Anne O'Brien, 2013

© DepositPhotos.com / FairytaleDesign, DarkBird, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, издание на русском языке и художественное оформление, 2021

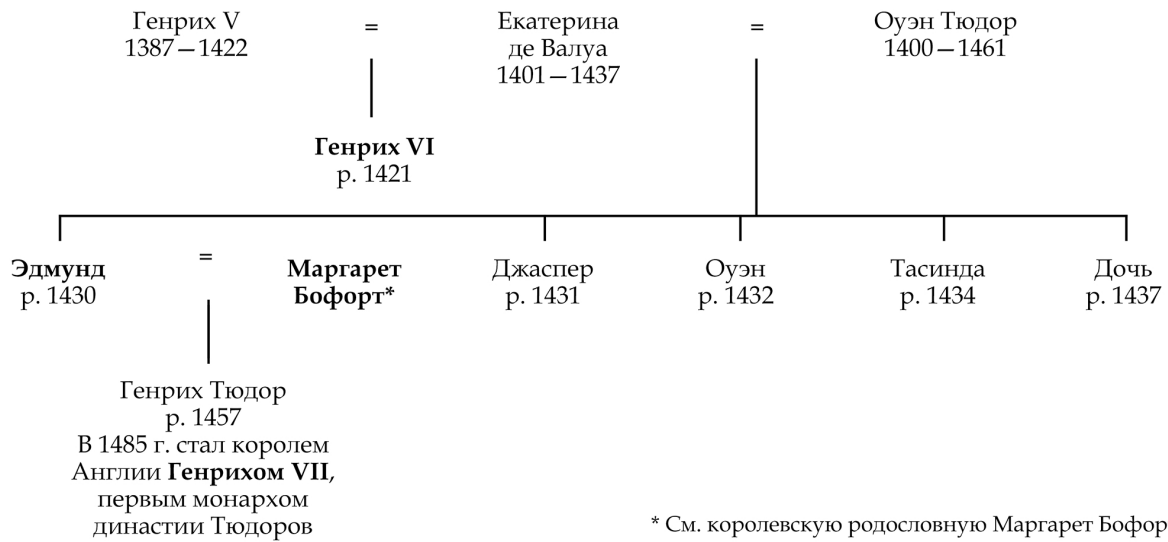

Генеалогия Оуайна Маредида ап Тюдора

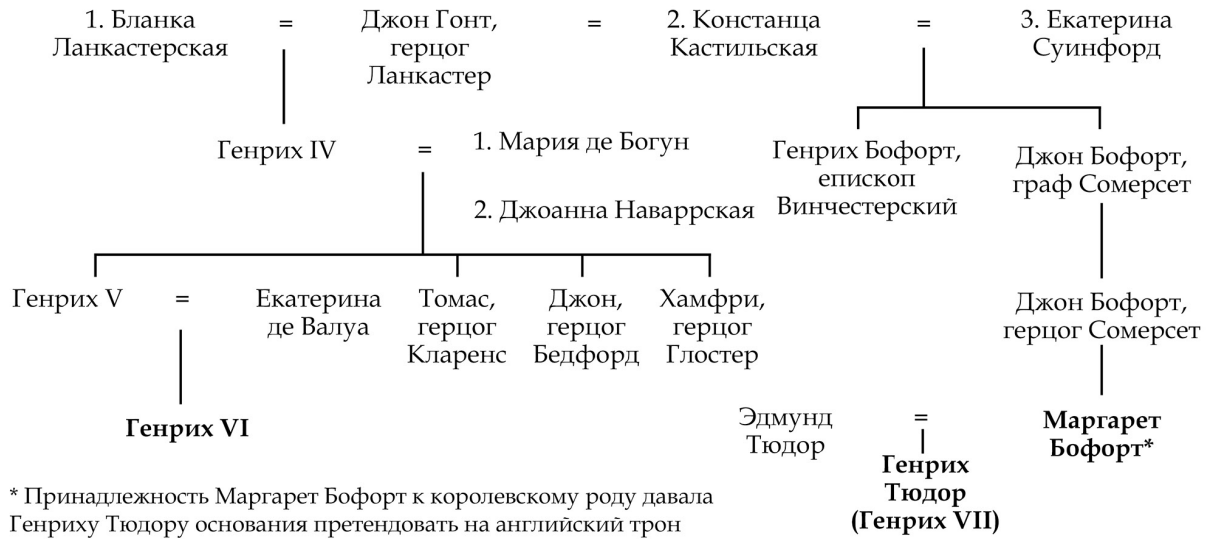

* Сестра Маргарет, Эллен, мать Оуайна Глиндур

Потомки Екатерины де Валуа
и Оуэна Тюдора и начало династии Тюдоров

Потомки Джона, герцога Ланкастера
(Джона Гонта)

* Принадлежность Маргарет Бофорт к королевскому роду давала Генриху Тюдору основания претендовать на английский трон

Как всегда, посвящается Джорджу, чьи познания в английской средневековой истории стремительно увеличиваются

В ваших губках, Кэт, волшебная сила.

Король Генрих — Екатерине (Шекспир, Генрих V, перевод Е. Бируковой)

[Женщина] не способна в полной мере обуздать свои плотские страсти.

*Комментарий современников о Екатерине де Валуа: Incerti scriptoris chronicon Angliae
de regnis trium regum Lancastrensiū, под редакцией Дж. А. Джайлса (1848)*

Глава первая

Это было в парижском дворце Сен-Поль, где я родилась; вопя как полоумная, я изо всех сил гналась за своей сестрой по комнатам королевской резиденции. Но Мишель, которая неслась, как заяц, преследуемый сворой гончих, была старше меня, и поймать ее никак не удавалось. Взбежав большими прыжками по широкой лестнице, она рванулась по пустынной галерее в вестибюль и попыталась захлопнуть передо мной двери. Мы были одни, и во время этой ожесточенной и довольно постыдной погони нас никто не видел.

Я уклонилась от тяжелой двери, и та с грохотом врезалась с размаху в стену. Я запыхалась, в боку колело от быстрого бега, но пустой желудок неумолимо подгонял меня вперед, и отступить я не собиралась. Продолжая мчаться за сестрой, я с восторгом услышала, как Мишель вдруг жалобно заскулила, когда, поскользнувшись на повороте, наткнулась на острый угол громадного дубового шкафа, стоявшего у стены. После этого она опрометчиво влетела в зал для аудиенций, и тут я издала громкий победный клич. Другого выхода из этой комнаты, отделанной тонкой резьбой и позолотой, не было. Я поймала Мишель. Но что еще важнее, теперь я отберу у нее то, что она судорожно сжимала в кулаке.

Загнанная в угол, Мишель стояла передо мной, ожесточенно сверкая глазами и скаля зубы.

— Поделись! — потребовала я.

Она задыхалась от быстрого бега, но, несмотря на это, тут же сунула заветный кусок хлеба себе в рот; я не раздумывая бросилась на нее, и мы покатались по полу, превратившись в невообразимый клубок из грязных юбок, невымытых детских ног и растрепанных засаленных волос. В ход пошли ногти, зубы, острые локти, до тех пор пока мне не удалось стукнуть Мишель кулаком в живот, вложив в удар всю силу моего щедедушного пятилетнего тела, и наконец отобрать у нее приз — черствую корку и обуглившуюся на огне косточку какого-то неизвестного животного (все это она стянула на кухне, когда кухарка неосторожно отвернулась). Поднявшись на ноги, я попятилась, на ходу запихивая в рот жесткий хлеб и вгрызаясь в остатки мяса на косточке под шумное урчание собственного голодного желудка. Мишель была

в ярости, и я спешно развернулась, чтобы сбежать тем же путем, каким мы сюда попали.

— Что происходит?

Вопрос был задан сдержанным тоном, но голос был весьма властным. Путь к отступлению был отрезан, и я остановилась; тем не менее я все равно успела бы ускользнуть, только вот Мишель теперь была совсем рядом. Мы были настолько увлечены друг другом, что не слышали ничего вокруг; теперь же стук собственного сердца у меня в ушах был таким громким, что я едва не оглохла. Виски сдавило, и в голове вновь возникла слабая пульсирующая боль, которая часто появлялась, когда я волновалась или нервничала.

— Прекратите немедленно!

Голос утратил сдержанность, и я наконец замерла на месте, а затем торопливо и очень неловко присела в реверансе, отчего мои юбки еще больше испачкались пылью и крошками, валявшимися на полу. У нас не было гувернантки, которая следила бы за нашими манерами и воспитанием: в доме попросту не было денег на такую роскошь.

— Итак? — Король, наш отец, вопросительно перевел недовольный взгляд на сопровождавшего его слугу.

— Это ваши дочери, сир, — с готовностью пояснил тот не слишком почтительным тоном.

— Неужели? — Король посмотрел на нас с некоторым удивлением, а затем приветливо улыбнулся. — Подите сюда, — сказал он, одновременно вытаскивая из-за пояса нож, украшенный драгоценными камнями.

Мы вздрогнули, не сводя глаз с лезвия, зловеще блеснувшего на свету, когда король несколько раз резко взмахнул им перед собой. Все знали, что наш отец, когда был не в духе, мог ни с того ни с сего наброситься на окружающих, и поэтому мы не очень-то успокоились, даже когда слуга забрал нож из его руки — кстати, такой же грязной, как и моя, — и сунул себе за пояс. Глаза короля вспыхнули странным лукавым блеском. Он протянул ко мне руку и, не обращая внимания на то, что я отшатнулась, взял прилипшую к шее прядь спутанных волос, напоминавших овечью шерсть, слежавшуюся за зиму. Его пальцы сжались, и я вся напряглась в ожидании боли, догадываясь, что он может не рассчитать силу.

— Ты у нас кто? — довольно ласково поинтересовался король.

— Екатерина, сир.

— Ну да, так и есть. Ты еще слишком маленькая. — Он вопросительно выгнул бровь. — А ты кто?

— Мишель, сир.

— А почему вы обе не на занятиях?

Я искоса глянула на сестру; та молча опустила голову. Нас уже месяц ничему не учили.

— Ну? — В голосе отца вновь появилась хорошо знакомая нам резкость. — Вы что, языки проглотили?

— *Мадам*, наша гувернантка, ушла от нас, — осмелилась пояснить я.

— Что, правда? А кто же одевал вас сегодня утром? Ладно, можете не отвечать. — Король резко обернулся к слуге, и огонь в его глазах потускнел. — Почему они так выглядят? Ничем не лучше домашнего скота...

— За ними никто не смотрит, сир.

— Почему же? Разве у них нет прислуги? Куда подевались их служанки?

— Они тоже ушли, сир. Ведь им не платили уже много недель...

Король снова остановил взгляд на мне. Он подозрительно щурился, и меня это пугало, но его вопрос прозвучал четко и ясно:

— А что это ты прячешь за спиной, Екатерина?

Когда я показала, отец схватил меня за руку и прорычал:

— Когда ты в последний раз ела — не считая этого раза?

— Вчера, сир, — ответила за меня Мишель, ведь я от страха лишилась дара речи.

— Потому-то вы и украли хлеб и мясо? Молчать! Молчите обе! — взревел король, не давая нам возможности сказать что-либо в свое оправдание, и мы послушно притихли. — Боже правый! Да вы ничем не лучше беспризорников, роющихся в сточных канавах парижских трущоб!

Я бочком подошла к Мишель и схватилась за ее платье, боясь, что упаду в обморок от ужаса. Неужели отец действительно побьет нас за прегрешения? Руки у меня так сильно дрожали, что уже не слушались, и остатки еды полетели на пол. Я никогда не отличалась храбростью.

— Где их мать? — грозно спросил король. Слуга неопределенно покачал головой. — Ждите меня здесь!

Отец решительным шагом вышел из комнаты, оставив нас троих в растерянности. А что, если он вообще не вернется? Что, если забудет о нас? Впрочем, вероятно, для нас так было бы даже лучше. Я быстро взглянула на Мишель. Может, нам просто сбежать, пока еще есть такая возможность? Угадав мой немой вопрос, сестра отрицательно покачала головой, и мы остались стоять на месте, с тревогой вслушиваясь в затихающие вдалеке звуки тяжелой поступи. Наступила тишина, нарушаемая лишь шарканьем моих босых ног по полу и сопением шмыгавшей носом Мишель. Слуга тяжело вздохнул. Но тут в галерее вновь послышались шаги — отец возвращался. Он стремительно вошел в комнату, в порыве неуправляемой энергии размахивая руками, напоминая сейчас крылья ветряной мельницы.

Я заскулила от страха.

— Вот! — Отец сунул в руки слуге тяжелый золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. — Продай его! — раздраженно бросил король, обнажив неровные потемневшие зубы. — Заплатишь служанке, чтобы та за ними ухаживала. Им нужна хорошая еда и наряды, достойные моих дочерей. — Он еще раз мельком взглянул на нас сверху вниз с несколько озадаченным выражением лица, а затем вновь удалился из комнаты.

После этого нас с сестрой действительно стали кормить надлежащим образом. Но не припоминаю, чтобы у нас появилась новая одежда.

Вот каковы мои самые яркие детские воспоминания. Холод, голод, лишения и отсутствие внимания. Постоянный страх. Полная нищета — следствие равнодушия и пренебрежения со стороны тех, кто должен был о нас заботиться. Как можно было допустить, чтобы принцессы Валуа страдали от бедности? И тем не менее мы в ней погрязли. На некоторое время ситуация улучшилась, но надолго ли могло хватить монет, вырученных от продажи одного золотого кубка? За несколько недель эти деньги растворились в руках у слуг, и мы с сестрой снова слонялись по дворцу, голодные и неухоженные, с тощими животами, прилипшими к позвоночнику.

Кем же мы, я и Мишель, были на самом деле? Как могло случиться, что принцессы Валуа росли в таком небрежении? Несмотря на то что мы были дочерьми короля Карла и королевы Изабеллы, вступиться за нас было некому. Мы с Мишель были членами большой семьи,

состоявшей из шести братьев и пяти сестер, отпрысков могущественного короля Франции Карла Шестого и его супруги, королевы Изабеллы Баварской, еще более влиятельной, чем он.

Необычайно плодовитые в браке, король и королева со временем окончательно отдалились друг от друга. Мы, младшие дети, оказались в западне, став жертвами их ненависти. Все мои братья умерли, за исключением крошки Карла; сестры вышли замуж или же постриглись в монахини, и мы с Мишель вынуждены были самостоятельно справляться с потрясением после разрыва наших родителей.

Почему они так мало думали о нас?

Став старше, мы с легкостью в этом разобрались. Король, наш отец, страдал от какого-то недомогания, обострявшегося во время приступов гнева, когда он терял рассудок. Его разум с пугающей регулярностью метался от состояния помутнения до полной ясности, от ярости до улыбочивой безмятежности. В худшие минуты королева вызывала у него острую ненависть, и тогда он осыпал ее оскорблениями и беспощадно избивал. Наш отец больше не признавал ее женой, с которой делил постель и королевский двор. Злые языки говорили, что он имел на это полное право.

Этот скандал достиг и наших ушей и лег бременем греха и безнравственности на детские плечи.

Наша мать, лишенная внимания мужа, не желавшего ее знать, окружила себя собственным двором и развлекалась сладострастными романами, следовавшими друг за другом непрерывной чередой. Я, конечно, была еще очень мала, но о королеве ходили непристойные сплетни, и неприличность намеков была слишком очевидна даже для детского ума. В то время как у меня не было даже пары целой, не стертой до дыр обуви, моя мать расточительно и бездумно тратила деньги на новые наряды и придворных, ведя разгульную жизнь; ее любовные приключения приводили в ужас королевские дворы Европы.

Поговаривали, что она была женщиной неистовых плотских потребностей и завлекала в свою постель красивых и знатных мужчин. Ходили слухи, что среди них был и Луи Орлеанский, младший брат моего отца, убитый впоследствии по приказу Жана Бесстрашного, бургундского кузена короля. А еще злословили, что мой младший брат Карл, ставший дофином после смерти братьев, на самом деле, возможно, незаконнорожденный.

Вот какими были мои родители и я, их дочь Екатерина. Непростое наследство для столь юного создания: с одной стороны безумие отца, с другой — безудержная похотливость матери. Моя детская головка была забита непристойными сплетнями. Неужели и я однажды стану такой же, как Карл и Изабелла? Неужели унаследую порочную природу своих родителей, так же как унаследовала светлые волосы матери?

— Я что, тоже буду сумасшедшей и испорченной? — испуганным шепотом наивно спросила я у Мишель, в ужасе при мысли о том, что в меня будут тыкать пальцами и смеяться. Такая перспектива казалась мне невыносимой.

— Не понимаю, почему ты обязательно должна стать такой же, — не по-детски рассудительно заметила Мишель. — Наша сестра Мария, например, очень набожна — и кичится этим. А зачем еще женщине становится монашкой? Лично я не собираюсь сходить с ума или раздеваться до нижней сорочки перед каждым мужчиной, попавшимся мне на глаза. Так с чего ты взяла, что наши семейные изъяны должны проявиться в тебе?

Благодаря этим словам я на некоторое время немного успокоилась, однако вскоре голод и всеобщее пренебрежение снова заставили меня осознать, что моя жизнь, надежды и страхи на самом деле никого не интересуют. Изабелла имела репутацию женщины знойной и страстной, но при этом была совершенно не способна испытывать материнскую любовь. Отец запирался от нас в своих палатах, мать развлекалась на свой вкус, а мы с Мишель выживали как могли: недаром король сравнил нас с одичавшими домашними животными.

Но внезапно, без какого-либо предупреждения, наша мать, королева Изабелла, снизошла до нас. Воссоединение это нельзя было назвать счастливым.

— Пресвятая Богородица!

Такова была первая реакция моей венценосной матушки, когда она на нас взглянула. Затем Изабелла на некоторое время умолкла, после чего, стараясь держаться от нас подальше, чтобы не испачкаться и не подхватить вшей, она принялась отдавать приказы властным тоном, не терпящим неповиновения. Нас сгребли, как будто каких-то вредных насекомых, замотали в плащи, такие же грязные, как и мы сами, и сунули в какую-то таратайку на колесах. Королева, ясное дело,

путешествовала отдельно, в шикарном паланкине, поражающем своей роскошью, в то время как мы с Мишель тряслись в своей повозке, замерзшие и объятые ужасом; мы жались друг к другу и дрожали от страха, как парочка до смерти перепуганных мышат, ведь никто не удосужился сообщить нам, куда мы, собственно, направляемся. Таким вот неприглядным образом нас, двух самых юных принцесс из династии Валуа, доставили в женский монастырь в Пуасси.

— Это мои младшие дочери. Поручаю их вам. Они остро нуждаются в дисциплине, — заявила королева, когда мы прибыли на место.

На дворе было уже темно, и монахини готовились к вечернему богослужению — не самая подходящая обстановка для маленьких детей. Я так испугалась, что у меня отнялся язык. Человеческие фигуры в белых туниках и наплечниках напоминали привидений, а доминиканские черные плащи и головные уборы выглядели угрожающе. Моя сестра, чопорная и набожная Мария, возможно, уже приняла обет и была одной из этих призрачных созданий, но я совсем не знала ее, ведь она была гораздо старше меня.

— Это Мишель, — между тем продолжала королева. — Уже решено, что она выйдет замуж за Филиппа Бургундского. Сделайте с ней, что сможете.

Я судорожно схватила сестру за руку; при мысли о том, что я останусь одна в этом холодном угнетающем месте среди монашек в их сорочьих одеяниях, мой страх многократно усилился. Разве я смогу здесь выжить, если Мишель уедет к своему мужу? Наша двоюродная бабушка Мария Бурбон, настоятельница монастыря в Пуасси, взирала на нас с холодным высокомерием, напоминая хищника в зверинце моего отца.

— Они очень грязные. — В неодобрительном взгляде ее блеклых глаз, которым она нас окидывала, читались презрение и брезгливость. — А что насчет этой?

— Это Екатерина. Ей лет пять... или около того. — Изабелла даже не знала моего возраста. — Все, чего я от нее хочу, — это чтобы она была опрятной и с хорошими манерами. И чтобы годилась на роль невесты. Со временем для нее найдется какой-нибудь высокородный принц, который ради брачного союза с родом Валуа обратит на нее свой благосклонный взор.

Настоятельница посмотрела на меня так, как будто считала эту задачу непосильной для себя.

— Что ж, сделаем и для нее все возможное, — наконец заключила моя двоюродная бабушка. — Она умеет читать? Писать?

— Понятия не имею.

— Ее должны были этому научить...

— Неужели это так уж обязательно? Для ее будущей роли такие умения вообще ни к чему, и к тому же я весьма сомневаюсь в ее умственных способностях; вряд ли ее можно было чему-либо научить. Посмотрите на нее. — Презрительные слова королевы были жестокими, и я захныкала от страха, грязным рукавом размазывая по лицу слезы. — Она выйдет замуж благодаря королевской крови, а не потому, что умеет орудовать пером.

— Так вы хотите, чтобы она осталась безграмотной?

— Я не желаю, чтобы из нее вышла педантка. Достаточно будет, если она сумеет привлечь внимание благородного принца и согреть его постель; тогда на нее обязательно кто-нибудь польстится.

Они беседовали, не обращая на меня внимания, но тон был мне ясен, и я сжалась от стыда — я уже тогда понимала, что мне должно быть стыдно. Когда же их беседа наконец подошла к концу, Изабелла впервые за все это время посмотрела мне прямо в глаза.

— Учись быть послушной и смиренной, Екатерина, чтобы оправдать свою знатную фамилию. Если же станешь бесчинствовать, тебя высекут розгами.

Я потупилась.

— Если будешь угрюмой, никто не возьмет тебя в жены, несмотря на то что ты Валуа. Ни одному мужчине не нужна мрачная супруга. А если у тебя не будет мужа, ты останешься здесь и пострижешься в монахини, как твоя сестра Мария.

Это были последние слова моей матери. Она уехала, так и не прикоснувшись ко мне. Я не была угрюмой, но... как бы это объяснить? Просто меня пугала жизнь, которой я не знала и не понимала.

Нас с Мишель поселили в одной келье. Жаловаться мне было не на что: в конце концов, нас с сестрой не разделили, мы были вместе, да и обстановка в нашем жилище была неплохая, хоть и скудная. Мы ведь все-таки были принцессами. Мне велели ложиться в постель,

не болтать и поскорее засыпать, чтобы завтра встать еще до рассвета к заутрене по сигналу колокола. С этого и должна была начаться моя жизнь в монастыре Пуасси.

Так я и сделала. В ту пору никаких особых материальных потребностей у меня не было. Я была вымыта, накормлена, мне давали совсем немного наставлений, я посещала все службы и училась респонсорному пению¹. Я научилась послушанию и смирению, но не обрела уверенности в себе, в отличие от своей благословенной сестры Мишель. В общем, для меня это была отупляющая жизнь, монотонность которой разбавлялась переживаниями о некоем неизвестном принце, который явится однажды и заберет меня отсюда, если я буду достаточно красивой и скромной. Такое существование меня угнетало.

«Они нуждаются в дисциплине», — сказала королева на прощанье.

К ней-то нас и приучали. Без любви. Без привязанности. Правила настоятельницы, нашей двоюродной бабушки Марии, были строгими и нерушимыми, и моя жизнь в Пуасси напоминала заточение в каменной гробнице.

— Какие грехи ты совершила на этой неделе, Екатерина? — спросила настоятельница, как делала это каждую неделю.

— Я нарушила обет молчания, матушка.

— Единожды?

— Нет, каждый вечер, — призналась я, неотрывно глядя на подол ее красивого тонкого одеяния.

— Зачем же ты это делала?

— Чтобы поговорить с Мишель, матушка.

В сестре я находила источник сил и успокоения. Она была моим утешением. С наступлением темноты, когда по полу бегали крысы и ночные тени подкрадывались вплотную к моей кровати, Мишель была мне просто необходима. Мне обязательно нужно было слышать голос сестры и крепко держать ее за руку. Я уже говорила, что в детстве у меня не было уверенности в себе; не было также и отваги.

Настоятельница выслушала мое признание с ужасающим равнодушием; лишь ее белый головной убор слегка дрогнул.

— Ты исповедовалась в этом?

— Да, матушка.

— Ты простоишь на коленях два часа перед алтарем. Это научит тебя соблюдать обет молчания и другие правила. А если будешь упорствовать в нарушениях, Екатерина, я переведу тебя в отдельную келью, лишив общества сестры.

Эта угроза заставила меня содрогнуться от ужаса. Выполняя епитимью, я очень страдала, стоя на ноющих от боли коленях в зловещей тишине церкви, наполненной пугающими тенями, но извлекла из этого важный урок. Я больше ни разу не нарушила монастырские правила: угроза расставания с Мишель была гораздо более действенным средством устрашения, чем розги. Мое сознание было слишком слабым, чтобы выдержать испытание одиночеством. Поэтому по вечерам я молчала и тихо плакала, уткнувшись лицом в надежное плечо сестры, пока не поняла, что мои слезы ничего не значат. Нам было не под силу вырваться за пределы сырых промозглых стен монастыря Пуасси и спрятаться от местных суровых правил.

— Ты не должна болтать, — твердила мне настоятельница. — Но я также не хочу слышать твое хныканье. Благодарю Господа за Его доброту и великодушие, ибо Он дал тебе крышу над головой и пищу твоим устам.

Новая угроза с ее стороны была слишком очевидна. И я больше не плакала.

Я входила в пору юности, но с течением лет не становилась более уверенной в себе и уравновешенной. Я научилась контролировать свои эмоции, выражение лица и каждое произнесенное слово из страха, что меня обидят. У меня не было карт или схем, которые могли бы привести меня к таким понятиям, как любовь или хотя бы привязанность: я не знала, чем измеряются такие чувства и как на них реагировать.

Как мог ребенок, не знавший, что такое тепло материнских рук, небрежные ласки отца или хотя бы казенная забота гувернантки, входившая в ее обязанности, понять мощь и восторг любви, которую дарят свободно, без каких-либо условий? Любовь со всеми ее хитросплетениями была мне неведома.

В те годы мне было ясно лишь одно: если идти строго по узкой тропке дозволенного и подчиняться диктату власти, этим можно заработать снисхождение, а иногда — хоть и редко — даже награду.

— Я слышала, что ты немного умеешь играть на лютне, — как-то заметила настоятельница.

— Да, матушка, — ответила я и покраснела от удовольствия.

— Это хорошо, — кивнула она, обратив внимание на мои пылающие щеки. — Но гордыня — великий грех. Поэтому во искупление перед вечерней молитвой тебе следует трижды прочесть «Аве Мария» и «Отче наш».

Выходило, что, если я буду старательно выполнять все правила и вести праведную жизнь, какой ожидала от меня настоятельница, я стану девушкой, достойной любви. Наверное, тогда король, мой отец, меня признает и одарит своим расположением. А королева-мать полюбит и наконец-то мне улыбнется. Возможно, в этом случае кто-нибудь вызволит меня из Пуасси и я смогу зажить так, как и подобает принцессе из рода Валуа согласно представлениям моего незрелого ума: обрету роскошное окружение, буду разодета в шелка и смогу спать на мягкой постели.

Я никогда не умела контролировать свои грезы о светлом будущем. Мое сердце оставалось безрассудно нежным и жаждущим любви, даже когда детские мечты о спасении потерпели крах. Никто так и не явился в мою монашескую келью, чтобы вызволить меня оттуда. Какой бы смиренной и послушной я ни была, реальный кандидат в мужья на моем горизонте не появлялся.

Я столько лет не видела королеву, что уже потеряла счет времени.

А затем, когда приближалось мое пятнадцатилетие, Изабелла, наша непредсказуемая и вечно пропадавшая где-то мать, внезапно вновь почтила Пуасси своим визитом. Когда меня позвали, я отправилась к ней, призвав на помощь все свое самообладание, которому научилась с огромным трудом. Мишель к этому времени уже вышла замуж за бургундского кузена и не могла быть сейчас рядом со мной, и я очень об этом сожалела.

— Ты выросла, Екатерина, — заметила королева. — И потому, полагаю, мне нужно поискать в своем гардеробе новые наряды для тебя.

Ее оценивающий взгляд скользнул по грубой ткани монашеской рясы, обтягивающей мое юное девичье тело, и задержался на сильно потертых кожаных башмаках. Ее собственные соблазнительно

округлые формы были затянуты в шелк и дорогое дамасское сукно; должно быть, королева подумала о том, что ей придется потратиться не для собственного удовольствия, и ее губы напряженно сжались. Но затем она вдруг улыбнулась, поразив меня, подошла вплотную и, взяв меня за подбородок, повернула мое лицо к свету, с трудом пробивавшемся сквозь узкое, похожее на бойницу окно монастырской комнаты.

Я старалась выдерживать крепкое прикосновение ее пальцев и этот пристальный осмотр, сохраняя внутреннее спокойствие, которым на самом деле не обладала, и поймала себя на том, что инстинктивно затаила дыхание. Я просто не осмеливалась поднять глаза на мать.

— Сколько же тебе лет? — задумчиво произнесла она. — Четырнадцать? Пятнадцать? Ты почти взрослая женщина.

Теперь я все-таки рискнула на нее взглянуть. Изабелла поджала губы; ее внимательные глаза оценивающе рассматривали черты моего лица, в то время как тонкие пальцы теребили локон, выбившийся из-под моего чепца.

— Внешне ты истинная Валуа. В целом неплохо. В тебе даже есть некая элегантность, которой я не ожидала. — Она слабо улыбнулась. — Волосы такого же цвета, как и мои, — золотая пряжа; и характер, вероятно, тоже будет как у меня. Даже не знаю, пожалеть тебя за это или поздравить. — Ее взгляд стал напряженным. — Да, пора выдавать тебя замуж. И у меня на примете есть подходящий жених — если, конечно, мне удастся его заарканить, а потом еще и удержать. Что ты об этом думаешь?

Жених. Муж. Мои глаза округлились, внутри разлилось сладостное ожидание, напоминавшее тепло от чашки подогретого эля морозным утром; но поскольку все это было для меня полной неожиданностью, я даже не могла сказать, что об этом думаю. Да, я долго этого ждала, упорно молилась, чтобы это произошло, но когда заветный миг настал...

— Ты вообще способна выразить собственное мнение, Екатерина? — язвительно спросила Изабелла.

Я сочла такое замечание несправедливым, ведь у матери не было возможности поинтересоваться моим мнением с того самого дня, когда она привезла меня в Пуасси. Впрочем, я бы все равно не посмела его высказать.

— Я хотела бы выйти замуж, — наконец сумела произнести я, как и положено почтительной дочери.

— Но станешь ли ты хорошей женой? Для осуществления моих целей ты должна быть безупречной. Ты достаточно хорошенькая, по крови ты Валуа, у тебя безупречное сложение, и ничто не указывает на то, что ты можешь оказаться бесплодной, — вслух рассуждала она. От последних слов я покраснела. — Но, к сожалению, однажды он уже отверг тебя. Жаль, конечно.

— Кто отверг меня, *маман*?

— Да этот мясник Генрих, у которого руки по локоть в крови.

Это было потрясением. Я растерянно заморгала и вся обратилась в слух.

— Генрих, король Англии, — раздраженно бросила Изабелла, объяснив мое удивление полным невежеством. — Твое приданое показалось его августейшему недостаточным, внушительным и богатым.

Я лишилась дара речи; тревожная тяжесть в груди сменилась нервной дрожью. Мою руку предлагали королю Англии, вокруг моего приданого торговались, и в конце концов моя кандидатура была отвергнута. И все это без моего ведома!

— Вопрос лишь в том, сможем ли мы его переубедить? — Отпустив меня, мать прищелкнула пальцами, как будто с помощью магии пыталась найти решение проблемы в этой холодной комнате.

У меня появилась возможность отступить назад. Что я и сделала, и к тому же осмелилась снова задать вопрос:

— А он станет рассматривать вариант, от которого однажды уже отказался?

— Генрих хочет заполучить Францию, — довольно охотно ответила Изабелла, словно обрадовавшись, что у нее появился благодарный слушатель; но насмешка в ее голосе быстро поставила меня на место. — Ему мало нашей крови, пролитой по его вине в битве при Азенкуре. Благодаря какому-то древнему родству с его давным-давно почившей прародительницей Изабеллой из рода Валуа, которая была замужем за английским королем, он теперь хочет заполучить для себя и своих наследников всю Францию. — Мать вновь внимательно посмотрела на меня. — Генрих согласился взять тебя в жены, но при

условии, что ты в качестве приданого принесешь ему в подоле своей сорочки два миллиона золотых крон. *Два миллиона!*

Ужасно много! У меня даже перехватило дыхание: я просто не могла себе представить такого количества золотых монет.

— Неужели я стою этих денег, *маман?* — Это было за гранью моего понимания.

— Нет. Разумеется, не стоишь. Мы предложили английскому королю шестьсот тысяч и заявили, что, учитывая наше нынешнее финансовое положение, он должен считать большой удачей возможность получить такую сумму. Тогда он потребовал восемьсот тысяч помимо твоего приданого, но никак не меньше. На этом все и закончилось. У нас таких денег нет, а наш король слишком глуп даже для того, чтобы самостоятельно надеть чулки, не то что вести серьезные переговоры о браке собственной дочери.

— Выходит, Генрих меня не хочет. — Мои надежды, подобно ласточкам, высоко воспарив поначалу, резко устремились вниз. — Не быть мне королевой Англии...

— Ты еще можешь ею стать, если нам удастся напомнить Генриху о твоём существовании. И как же мы напомним о тебе твоему принцу, *ma petite*? — Казалось, мать была даже по-своему ласкова со мной, но в ее голосе все равно слышалась откровенная насмешка. Изабелла взяла меня за плечи и развернула к себе лицом. — Может быть, отправить тебя на поле битвы, чтобы Генрих окинул беглым взглядом твои достоинства, пока прорубает своим зловецким мечом путь сквозь ряды наших французских подданных? Или выставить тебя на крепостную стену во время осады, чтобы он смог смотреть на свою потенциальную невесту, пока обрекает на голодную смерть наш народ в окруженном городе? — Она вдруг резко меня отпустила.

— Иногда я просто не знаю, как договариваться с таким человеком. Но я должна быть убедительна. Генрих нам необходим. Он нужен нам для альянса с Валуа против тех, кто хочет довести Францию до гражданской войны. И кажется, я нашла выход. Мы пошлем Генриху твой портрет, чтобы он смог оценить хваленую внешность женщин рода Валуа, прежде чем начнет рыскать глазами по сторонам в поисках другой невесты. — Изабелла вновь остановила задумчивый взгляд на моем лице и в сердцах притопнула ногой.

Ее слова глубоко запали мне в душу. Если Генрих, король Англии, найдет себе невесту где-нибудь еще, что тогда будет со мной? Стены моей темницы в монастыре Пуасси показались мне еще выше и холоднее. Брак с предводителем неприятельской армии, человеком, который без каких-либо угрызений совести обильно проливал французскую кровь при Азенкуре, был для меня все равно оправдан, тем более что этот человек — король и богат. То ли в порыве внезапной отваги, то ли от отчаяния я внезапно схватила Изабеллу за рукав ее расшитого золотом дорогого платья.

— Мне бы очень хотелось выйти замуж за Генриха! — Я услышала собственный голос как бы со стороны и отметила, что в нем звучит безысходность. — Если бы только вы могли напомнить ему о моем существовании!

В глазах Изабеллы появилось презрение к такой наивности, и я судорожно сглотнула, но затем вдруг спросила первое, что пришло мне на ум:

— Он молод?

Типичный вопрос для юной девушки. За ним последовал еще один:

— Он хорош собой?

Изабелла стряхнула мою руку со своего рукава и направилась к двери, недовольно шурша юбками по грубому деревянному полу, и я сразу же пожалела, что не сдержалась и произнесла эти неосторожные слова.

— Глупые вопросы. Ты слишком назойлива, Екатерина. Ни один мужчина не захочет взять в жены девицу, нарушающую границы приличий. Королю Англии нужна тихая, послушная жена. — Она вдруг задумалась, и ее губы, изогнутые в элегантной презрительной усмешке, сурово сжались и вытянулись в узкую линию. — Но я, наверное, все-таки пошлю ему твой портрет; будем надеяться, что расходы на хорошего художника себя оправдают. — Ее губы снова улыбались, и в глазах появился азартный блеск, как у рыбака, внезапно придумавшего, как ему перехитрить щуку, слишком долго водившую его за нос.

— Возможно, еще не все потеряно и нам удастся сковать Генриха узами брака. И ты все еще можешь стать краеугольным камнем нашего альянса, *ma petite* Екатерина. О да. — Изабелла улыбнулась, на этот раз уже немного теплее. — Я это устрою.

И она устроила. А моя голова тем временем была заполнена мыслями о свадьбе.

Почему я так сильно желала этого замужества? Оно значило для меня гораздо больше, чем богатство и титул. Я знала, что этот брак откроет мне двери в другой мир: мир, который никак не может быть хуже того, где я провела свои детские годы.

По правде говоря, мне мучительно хотелось почувствовать близость, любовь. Так почему же я не могу обрести этого с Генрихом, королем Англии? И при этом совсем не важно, даже если он уродлив, как дьявол, или уже успел сразить наших благородных французских аристократов на поле брани. Я буду просто женой своего мужа, королевой Англии, и это станет для меня великим благом. А со временем, возможно, он полюбит меня, как и я его...

— Не дай ему возможности передумать, Кэт, — твердила навестившая меня Мишель; даже став герцогиней бургундской, она обо мне не забывала. — Ты не видела Генриха, не разговаривала с ним; он вдвое старше тебя. Он вспомнил о тебе лишь после того, как спросил об Изабелле. А потом о Жанне. А потом даже о Марии. — Мишель с циничной дотошностью перечисляла имена наших старших сестер, загибая пальцы. — Ты спросишь, каким образом я избежала этой участи? Вероятно, Генрих просто не знал о моем существовании. А теперь я уже занята, недоступна для него. — Когда она предостерегала меня, выражение ее лица было очень серьезным.

— Взгляни правде в глаза, Кэт. Генриху подошла бы любая дочь французского короля. Ведь речь идет не о любви, а о тщеславии. После того как Генриху отказали Изабелла, Жанна и Мария, самолюбие уже не позволит ему снова испытать подобное пренебрежение. И это единственная причина, по которой он продолжает настаивать — ведь ты последняя свободная принцесса крови.

Мне было нечего на это возразить, но я продолжала цепляться за мечты о золотом будущем.

— Генрих тут же забудет о тебе, как только ему покажут какую-нибудь новую кандидатку, — продолжала Мишель. — Как он может тебя увидеть, ведь ты заперта в монастыре? А если даже и увидит, ты для него далеко не самый привлекательный объект желаний. Если мы не сможем дать тебе в приданое сумму, близкую к двум миллионам

золотых крон, которые потребовал Генрих, он будет смотреть на тебя как на нищенку и откажется от твоей руки — в который раз. А вскоре после этого Изабелла снова начнет орать на тебя, ведь ты больше не будешь представлять для нее никакой ценности.

Я тяжело вздохнула, но тем не менее продолжала лелеять по ночам заветные мечты; поначалу они горели ярко, будто манящие огни маяка на вершине горы, но шла неделя за неделей, вестей не было, и постепенно мои грезы померкли и стали напоминать трепетно мерцающее пламя свечи. Одинокая и покинутая, я обдумывала свое положение. Изабелла будет в ярости, из-за того что мне не удалось вызвать интерес у Генриха. Но еще хуже — гораздо, гораздо хуже — мне было при мысли о том, что он меня не хочет. Казалось, монастырь готов окончательно захлопнуть ворота, навеки сделав меня своей затворницей.

К моему облегчению, Изабелла так и не явилась в Пуасси, чтобы сорвать на мне злость. Зато доставили мой портрет. Я увидела его, потому что Мишель привезла мне его показать, прежде чем картину закутают в мягкую кожу, которая защитит ее от непогоды и влаги во время морского путешествия в Англию. Портрет был просто ужасным. То ли художник оказался совершенно бездарным, то ли ему слишком мало заплатили. Удлиненные черты лица представительницы рода Валуа были переданы в общем верно, но изображенная девушка была совсем не похожа на меня, ведь овал моего лица не был таким непривлекательным, да и шея получилась слишком хрупкой. Зато великолепные золотистые локоны были уложены наверх и скрыты под головным убором со стегаными валиками поверх плетеных сеток для волос; конструкцию довершала короткая муслиновая вуаль, не только не подчеркивавшая моих достоинств, но и не выполнявшая другой своей функции — обольстительной, — продуманно скрывая часть лица. Что касается моей кожи, которая всегда была бледной, то ей придали какой-то нездоровый желтоватый оттенок. Губы были изображены невразумительным узким мазком краски, а брови вообще были едва заметны.

Мишель тяжело вздохнула.

— Что, так плохо? — неуверенно спросила я, хотя и сама все прекрасно видела.

— Да уж. Ты только посмотри на это! — Сестра подошла к похожему на амбразуру окну и поднесла произведение искусства к свету. — Этот бесталанный дилетант изобразил тебя такой же старой, как наша мать. Ну почему бы ему не сделать тебя юной, непорочной и притягательной?

По сути, я смотрела на картину глазами Мишель, ведь мой собственный взгляд был затуманен надеждами.

— Я похожа здесь на старую каргу, да?

И я принялась страстно молиться про себя Деве Марии:

«Пресвятая Богородица! Если Генриху, королю Англии, не понравится мое лицо, пусть он, по крайней мере, оценит мое высокое происхождение и принадлежность к династии Валуа».

Я так никогда и не узнала, каким образом мой давний «почитатель» получил мой портрет, но вскоре настоятельница монастыря сообщила мне, что вскоре я покину Пуасси.

— Ты уедешь отсюда в течение месяца.

Моя двоюродная бабушка Мария держалась со мной так же нелюбезно, как и в первый день, когда я переступила порог монастыря. Но меня это больше не волновало. Я чувствовала приближение новой жизни.

— Да, матушка.

— Король Генрих дал обет на тебе жениться.

— Это большая честь для меня, матушка. — Меня переполняли новые чувства, и мой голос дрожал.

— Это политический альянс. И ты должна сделать все возможное, чтобы подчинить Генриха интересам династии Валуа.

— Да, матушка.

Я буду носить платье с подбитыми мехом рукавами, побогаче, чем то, что носите вы, бабушка Мария.

— Я верю, что ты правильно используешь в своем браке все то, чему научилась здесь, в Пуасси. Твое воспитание станет надежным фундаментом, на котором будет зиждиться твоя миссия королевы Англии.

— Да, матушка.

«Надежный фундамент». «Миссия». «Подчинить Генриха интересам династии Валуа». Все эти слова ничего для меня не значили. Я не могла собрать вместе проносившиеся в голове мысли и едва

сдерживала глупую счастливую улыбку, которая грозила нарушить торжественность момента. Я стану невестой! Я буду женой Генриха! От радости мое сердце готово было вырваться из груди, и я при первой же возможности в порыве восторга горячо обняла Мишель.

— Он все-таки меня хочет! Генрих хочет меня!

Она взглянула на меня спокойно и бесстрастно.

— Какое же ты еще дитя, Екатерина! Если ты наивно рассчитываешь на брак по любви, забудь об этом. — Должно быть, она заметила отразившиеся на моем лице душевные муки, и ее взгляд несколько смягчился, но даже тогда голос сестры поразил меня своей суровостью. — Наши браки, Екатерина, не имеют к любви никакого отношения. Мы выходим замуж из чувства долга.

Долг. Какое холодное, суровое слово! Почти такое же, как «равнодушие». Может, это и глупо, что я искала в своем замужестве именно любви, однако я не собиралась показывать свою слабость даже перед Мишель.

— Я все понимаю, — торжественным тоном произнесла я, повторяя слова матери настоятельницы, — Генрих женится на мне, чтобы заключить политический союз.

По правде говоря, со временем меня все больше мучили сомнения, ведь не было никаких подарков, никаких знаков, подтверждающих вновь проснувшееся в короле Генрихе желание на мне жениться, на День святого Валентина, когда английский король мог бы и вспомнить о женщине, которую собирался взять в жены. Ходили слухи, что он продолжает искать невесту в королевских домах Бургундии и Арагона, где были девушки на выданье. Но разве это возможно? Поддавшись мрачному настроению, я почувствовала себя несчастной. Мои бургундские кузины, дочери герцога Джона, были, безусловно, недостаточно знатного происхождения, да и девушки из Арагона никак не могли представлять для короля Англии такую же завидную партию, как я, если он действительно собирался покорить Европу.

Со своей стороны я прочла полный розарий³ молитв «Аве Мария» и «Отче наш», прося о том, чтобы мой портрет показался Генриху не таким ужасным, каким он запомнился мне, и чтобы английский король остановил выбор на мне до того, как я стану слишком старой для невесты — хоть чьей-нибудь. И прежде чем я стану слишком

старой для того, чтобы страстно мечтать о нарядах с отделкой из наилучшего соболиного меха.

«Молод ли король Англии? Хорош ли он собой?» — спросила я как-то у королевы.

Теперь я знала ответы на эти вопросы.

При виде короля Генриха у меня перехватило дыхание. Я заметила его раньше, чем он меня. Король Англии Генрих Пятый во всем своем великолепии. Он стоял посреди богато украшенного шатра чуть в стороне от двух английских лордов (о чем-то тихо беседовавших между собой), словно не замечая ни их, ни нас — французскую сторону. Руки Генриха, сжатые в кулаки, упирались в бедра, голова была слегка откинута назад, а глаза устремлены в даль, где витали в тот миг его мысли, — впрочем, возможно, он просто рассматривал паука, свившего сеть в углу между опорным шестом и холщовым тентом. Генрих оставался неподвижным, хотя, как мне кажется, уже знал о нашем приезде.

По каким-то одному ему ведомым причинам он не предпринял никаких усилий, чтобы обратить на нас внимание и произвести впечатление своей обходительностью. Даже дорогой наряд и многочисленные ювелирные украшения, символизирующие королевский статус, он носил с равнодушной небрежностью. Да и зачем ему производить на нас впечатление? В конце концов, Генрих был победителем, в то время как мы выступали в роли просителей.

Но какая величественная осанка, какой горделивый вид! Даже роскошный шатер из расшитой золотом ткани, увешанный яркими флагами, мерк на фоне неотразимого магнетизма этого человека. Складывалось впечатление, что Генрих здесь главный, а остальным — как французам, так и англичанам — тут не место. Меня охватил благоговейный трепет. А также вновь появилась надежда. Я ждала этой встречи три года. Мне было уже восемнадцать, в тот день, когда в этом великолепном королевском шатре на берегу Сены у города Мелён я наконец-то встретилась с мужчиной, за которого, если все пойдет по плану, должна буду выйти замуж.

С одной стороны от меня стояла разодетая в меха и бархат королева Изабелла в сопровождении мощного и ухоженного дикого зверя, не слишком заслуживающего доверия, — большого гепарда, которого

крепко держал на поводке заметно нервничающий паж. Королю Генриху, возможно, и не было нужды производить на кого-то впечатление, а вот моя мать явно к этому стремилась.

Слева от меня расположился мой кузен Джон, герцог Бургундский, как бы поддерживая меня своим королевским присутствием. При этом он сильно вспотел в своем официальном наряде, выдержанном в цветах герба Бургундии.

Мой отец, который должен был проводить процедуру обмена брачными предложениями, отсутствовал: поговаривали, что как раз сегодня у него случился приступ безумия, во время которого он ожесточенно отбивался от слуг, пытавшихся нарядить его к торжественной церемонии. В конце концов слуги сдались и ситуацией овладела моя мать, в результате чего отца заперли в резиденции герцога Джона в Понтуазе.

Позади нас, загораживая вход в шатер, толпилось достаточное количество солдат и слуг, одетых в геральдические цвета Валуа, — эти люди создавали некий антураж нашего королевского величия; от мелькания ярко-синих плащей с серебряными лилиями у меня закружилась голова. После поражения необходимо было использовать любые средства, продемонстрировать наше могущество и внушительность, чтобы втянуть английского короля в соглашение, пока его войска окончательно нас не разгромили.

А что же я? Я была нежной приманкой, которая должна была заманить его в ловушку.

Возможно, наше появление вышло довольно шумным — скорее всего, дело было в том, что наш гепард вдруг издал тихое гортанное шипение, — а может быть, король Генрих почувствовал мой пристальный любопытный взгляд; как бы то ни было, он оставил в покое паука с его паутиной, повернул голову и посмотрел на нас. Взгляд короля был холоден; он никак не реагировал на то, что все глаза сейчас устремлены на него; величественная осанка с прямой, как древко копья, спиной оставалась неизменной. И еще этот шрам... Я и не знала про этот рубец у него на лице, тянущийся от переносицы через всю щеку. Но поразило меня не это, а то, как Генрих смотрел на меня. Он ни единым жестом не отреагировал на наше появление, но я почувствовала во всем теле горячую пульсацию. Меня он окинул до

обидного быстрым взглядом, после чего перевел глаза на герцога Джона и Изабеллу.

Ну и хорошо: если Генрих не хочет смотреть на меня, тогда я буду его рассматривать. Я знала, что ему тридцать два года — об этом сообщила мне мать. Он гораздо старше меня, но хорошо сохранился для своего возраста. Генрих был высок — выше меня, и это обстоятельство я отметила с удовольствием: достаточно высок, чтобы легко управиться с печально известным длинным валлийским луком и не бояться оказаться в тени стоящей рядом с ним рослой жены. У него была светлая кожа и острый прямой нос.

Меня удивило, что английский король был скорее стройным, чем мускулистым, — я ожидала, что такой знаменитый воин выглядит более крепким, — но потом подумала, что, должно быть, эти тонкие пальцы, сжимающие пояс, на котором висел меч, обладают скрытой силой. Ведь Генрих славился боевым искусством, не раз продемонстрированным на рыцарских турнирах, и беспримерной отвагой. А также исключительными манерами — впрочем, видимо, на этот раз они ему изменили, потому что взгляд его ясных карих глаз, напоминавших цветом турмалин, вскоре вновь обратился на меня и довольно бесцеремонно остановился на моем лице. Не самый радушный прием во время встречи на высоком дипломатическом уровне, где должна была решиться моя судьба. Генрих рассматривал меня, как будто оценивал достоинства, скажем, породистой кобылы, выставленной на продажу.

В этот миг мне показалось, будто он ведет себя по отношению ко мне так же пренебрежительно-равнодушно, как и моя бабушка Мария, настоятельница монастыря.

Но потом я вспомнила, кто передо мной, и у меня по спине пробежал холодок. Этот человек мог бы стереть нас в порошок, если бы захотел. Я должна исправно играть свою роль и вести себя, как и подобает принцессе Валуа, даже несмотря на панический страх, поразивший меня, словно летняя молния.

Молясь, чтобы остатки мужества не покинули меня и мои ноги в решительный миг не подкосились, я не отвела глаз и выдерживала взгляд Генриха, — хотя от собственной дерзости у меня и дрожали колени, — до тех пор, пока герцог Джон не откашлялся многозначительно, как бы давая сигнал к началу битвы. Оба

английских лорда прервали неторопливую беседу, а Генрих повернулся к нам лицом. Стоявшая рядом со мной Изабелла заметно напряглась. Я сначала не поняла, чем это вызвано, но отметила, что ее тщательно выщипанные брови нахмурились и сошлись на переносице — насколько это вообще позволял дипломатический протокол.

Затем я с любопытством проследила за ее взглядом, и тут мне все стало ясно. Мою мать привела в ярость не нарочитая роскошь трех рубинов величиной с голубиное яйцо каждый, вставленных в тяжелую золотую цепь на груди у короля Генриха, и не великолепие трех таких же камней, сиявших в перстнях на его правой руке. И даже не вышитые золотом львы, занимавшие две четверти его богато украшенной туники, доходившей до бедер, хотя эти геральдические символы Англии сами по себе выглядели угрожающе. Дело было в том, что две оставшиеся четверти одеяния на его внушительной груди украшали французские лилии, серебряные на синем фоне, — зеркальное отражение узора нашего собственного наряда; эти лилии как бы кричали всему миру, что этот человек претендует на французскую корону с той же непоколебимой уверенностью, с какой заявляет права на собственный трон. Причем Генрих сообщил об этом во весь голос еще до того, как все мы сели, чтобы обсудить этот деликатнейший вопрос. Так что я ошиблась. Вне всяких сомнений, Генрих хотел произвести на нас впечатление, но не ради дружбы, а чтобы запугать и добиться покорности еще до того, как мы скажем друг другу хотя бы слово.

Услышав резкое прерывистое дыхание Изабеллы и заметив плохо скрываемое презрение на ее лице, я поняла, что эти переговоры могут закончиться ничем. И я рискую так и не предстать перед алтарем в качестве королевской невесты.

«Пресвятая Дева, пусть он захочет меня так сильно, чтобы пойти на компромисс! Пусть он захочет меня так сильно, чтобы пойти на уступки моей матери! И заставь Изабеллу быть покладистой, чтобы предложить ему эти уступки».

К нам приближались два английских лорда.

— Герцог Бедфорд, — шепнул уголком рта герцог Джон. — Брат короля. А второй — граф Уорик, еще один чертовски влиятельный лорд.

Однако они хотя бы, пусть и с опозданием, все-таки поприветствовали нас и к тому же для нашего удобства заговорили по-французски, за что я была им особенно благодарна, поскольку мой английский был не слишком хорош и ограничивался общими фразами.

Лорд Джон, герцог Бедфорд, брат блистательного Генриха, учтиво поклонился нам и представил нас Генриху, королю Англии.

— *La reine Isabeau de France. Et sa fille, Mademoiselle Katherine*⁴.

Граф Уорик жестом пригласил нас пройти вперед, при этом другой рукой крепко удерживал за ошейник рвущегося в атаку огромного волкодава, которому явно не нравилось присутствие гепарда.

— *Bien venue, monsieur, mes dames...* — между тем продолжал лорд Джон. — *Votre présence parmi nous est un honneur*⁵.

Последовала серия вежливых поклонов и реверансов.

— *Bienvenue, Mademoiselle Katherine*⁶, — с улыбкой попытался подбодрить меня лорд Джон; взгляд его был мягким и дружелюбным, и я почувствовала, что улыбаюсь в ответ.

Так вот он какой, этот герцог Бедфорд, чья репутация была почти столь же пугающей, как и у Генриха. Мне понравилось его красивое лицо и любезные манеры. Понравилось, что он не счел за труд поговорить со мной и постарался меня успокоить, насколько это было возможно, хотя мое сердце продолжало судорожно трепетать в груди.

Его брат-король на это не сподобился. Генрих не сдвинулся с места, лишь насупил четко очерченные брови. Он хмурился, глядя на нас, и его голос, резкий и чистый, разом оборвал все официальные приветствия:

— Мы не ожидали, что вы приедете так рано.

Сказано это было по-английски. Я решила, что хмурится он не на меня, а из-за доброжелательности своего брата. Этот надменный король нарочно предпочел английский, понуждая французов говорить на языке, которым никто из них не владел в совершенстве. Он оглядывал нас, высоко подняв подбородок с видом холодного превосходства, и моя мать, стоя перед ним в своей золотой короне и с дорогими кольцами на пальцах, еще больше напряглась под этим пристальным взглядом. Мое сердце, казалось, колотилось уже на пределе — вот-вот не выдержит и остановится. Ситуация становилась

для меня все более напряженной, хотя король Генрих не сказал мне еще ни единого слова.

— Насколько мы понимаем, вы пожелали начать переговоры немедленно, — отрывисто произнесла Изабелла — по-французски.

— А короля с вами нет? — спросил Генрих на английском.

— Его Величество занемог и отдыхает в Понтуазе, — ответила Изабелла — снова по-французски. — Его Светлость герцог Бургундский и я будем вести переговоры от имени Его Величества.

— А я желаю иметь дело лично с Его Величеством королем Франции, — настаивал Генрих — на английском.

В отчаянии от сложившегося положения я тихо вздохнула. Неужели Генрих на самом деле столь невыносимо высокомерен?

Король ждал с угрюмым выражением лица. Уорик нерешительно переступал с ноги на ногу, продолжая удерживать за ошейник своего пса, Бедфорд внимательно рассматривал пол у себя под ногами; никто из них больше не осмеливался перейти на французский, и это как нельзя более доходчиво демонстрировало нам, что слово короля Англии для них закон. Между Генрихом и Изабеллой повисло напряженное молчание. Так мы и продолжали стоять, пока лорд Джон в интересах дипломатии не наступил на горло собственной гордости и не перевел все сказанное на латынь.

В конце концов он же поставил меня прямо перед королем и произнес:

— Ваше Величество, мы хотели бы представить вам леди Екатерину.

Я довольно охотно шагнула вперед, сияя от женской гордости, ведь меня подготовили очень тщательно — выражаясь фигурально, «заклали откормленного бычка», как говорится в Библии. В тот день мне не нужно было стыдиться собственной внешности. Я была единственным аргументом Валуа в этих переговорах, и потому было решено, что я стою того, чтобы понести определенные расходы (разумеется, решение это принимал лорд Джон, а не моя мать). За мой наряд выложили огромную сумму, которую я прежде и представить себе не могла, — три тысячи флоринов. Горячо молясь про себя, чтобы эти деньги были потрачены не зря, я ужасно нервничала: мое дыхание было частым и поверхностным, а рука в крепкой ладони кузена сильно вспотела.

Тем не менее наряженная — наконец-то! — в долгожданное платье с меховой оторочкой, я сделала первый реверанс перед Генрихом, королем Англии.

Впрочем, за миг славы нужно платить. Конечно, очень хорошо, что меня разодели так, будто я уже стала королевой Англии, однако в душном шатре в тот знойный майский день я немилосердно страдала от жары, как будто в поте лица трудилась на королевской кухне.

Тяжелый головной убор в форме сердца, под который были спрятаны мои волосы, обжигал мне лоб, точно горячий пудинг, короткая вуаль липла к влажной шее. Складки роскошной синей, как риза Богоматери, пелерины, подбитой мехом, украшенной богатой вышивкой и придерживаемой ниже груди поясом, усыпанным драгоценными камнями, были такими тяжелыми, что пот струился у меня по спине ручьями. Однако я держала себя в руках, мужественно перенося все эти тяготы и неудобства.

Искренне надеясь, что выгляжу достаточно хорошо, как настоящая принцесса, я свободной рукой слегка приподняла свои юбки, показав край гофрированной нижней туники из золотой парчи. Все это выглядело очень красиво, но это было лишь внешнее впечатление. Под этим роскошным нарядом на мне была моя старая штопаная рубаша из обычного грубого холста, натиравшая тело. Обувь стала влажной от росистой травы, по которой мы сюда шли. Денег на новые туфли и белье не хватило, но английский король не должен был этого заметить под величественно раскачивающимися юбками и расшитым драгоценными камнями корсажем.

Генрих окинул это великолепие (включая платье, украшенное мехом, и все остальное) одним всеобъемлющим пренебрежительным взглядом.

— Мы рады, — ответил он все так же на английском. — Нам давно хотелось познакомиться с французской принцессой, о которой мы слышаны. — И он с безупречной грацией поклонился мне, приложив ладонь к сердцу.

— *Monseigneur*².

Теперь, когда я оказалась с ним лицом к лицу, на расстоянии вытянутой руки от этих рычащих львов на его тунике, моя отвага улетучилась. Я снова присела в глубоком реверансе, потому что, как мне показалось, Генрих ожидал от меня именно этого, и замерла,

потупившись; но затем я почувствовала дуновение ветерка, услышала плавную поступь и увидела перед собой носки его мягких кожаных сапог. Генрих протянул мне руку:

— Миледи. Поднимитесь.

Сказано это было тихо, но прозвучало как не допускающий возражений приказ. Я подала Генриху ладонь, и он заставил меня выпрямиться в полный рост. Немного наклонившись в мою сторону, он в знак приветствия слегка коснулся губами сначала одной моей щеки, а потом и другой. А затем нежнейше поцеловал меня в губы. Мое сердце бешено затрепетало; меня словно обдало жаром, и я густо покраснела до корней волос, прислушиваясь к тому, как его губы касаются моих губ, а жесткая от рукояти боевого меча ладонь крепко сжимает мою руку. В голове стучала одна-единственная мысль: король Генрих поцеловал меня в знак приветствия! Я потрясенно смотрела на него, не в силах произнести ни слова устами, которых он только что касался.

— Слухи о вашей красоте не лгут, леди. — Генрих отвел меня немного в сторону от остальных и продолжил потеплевшим голосом: — Теперь у меня появилась возможность собственными глазами оценить подарок, который делает мне королевская династия Валуа.

Это, без сомнения, был комплимент, но лицо Генриха оставалось строгим. Эти англичане вообще когда-нибудь улыбаются? Борясь с собственным косноязычием, я мучительно искала подходящий ответ, призывая на помощь свои познания в английском языке.

— Вы говорите по-английски? — спросил Генрих, когда мне так и не удалось ничего придумать.

— Совсем немного, *Monseigneur*, — сумела произнести я с ужасным, надо полагать, акцентом. — Но я выучу.

— Конечно, выучите, — кивнул он. — Выучите, ведь это обязательное условие.

— Клянусь, что буду заниматься каждый день, — заверила я его, еще сильнее нервничая из-за серьезности его тона.

Но Генрих тут же потерял интерес к отсутствию у меня лингвистических навыков; его взгляд скользнул с моего лица на корсаж платья, где у самого выреза был приколот оправленный в золото крупный сапфир.

— Что-то не так, милорд? — с тревогой спросила я, потому что он опять нахмурился.

— Брошь.

— Вот эта, милорд? Это подарок герцога Джона в честь сегодняшнего события.

— А где подарок, который послал вам я? — суровым тоном поинтересовался Генрих.

Я растерянно покачала головой. Решив, что я его не поняла, он снизошел до того, что обратился ко мне на беглой придворной латыни:

— Я думал, что вы обязательно наденете *мою* брошь, *Mademoiselle*. — В его голосе звенел ледяной холод.

— Какую б-брошь, милорд? — пролепетала я.

— Я послал вам брошь в знак своего расположения. В форме ромба, с лилиями из рубинов и аметистов в золотой оправе.

— Я не получала ее, милорд.

Генрих нахмурился еще сильнее.

— Это дорогое украшение. Стоимостью в сто тысяч экю, если мне не изменяет память.

Что я могла на это сказать?

— Ее у меня нет, милорд. Вероятно, она потерялась.

— Не иначе. Возможно, эта брошь попала в руки моих врагов.

Подозреваю, что она пошла на военные расходы дофинистов, стоящих на ложном пути соратников вашего брата, готовых сражаться против меня.

— Я тоже так думаю, милорд.

Это был странный, тревожный разговор; у меня сложилось впечатление, будто Генриха больше волновала дороговизна утерянного подарка, чем то, что он, так и не дойдя до меня, не доставил мне удовольствия. Король Англии определенно был недоволен. Я искоса глянула на него, гадая, что он скажет дальше; тема, по-видимому, была исчерпана.

— Я ждал вас всю свою жизнь, Екатерина. И намерен на вас жениться, — заявил Генрих, очень спокойно и четко выговаривая слова. — Вы станете моей женой.

Он не спросил, хочу ли этого я. Мы оба знали, что я подчиняюсь диктату своей семьи. И тем не менее я ответила от всего сердца:

— Да, милорд. Я тоже очень желаю этого.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ